

Этот разговор долго не ложился на бумагу. Казалось бы: вопросы заданы, ответы получены. Но как в одной беседе показать Константина Симонова — Человека, Солдата, Писателя? О нем, о его книгах и фильмах — несколько монографий, много статей... И все-таки, наверное, жизнь Симонова и его труд в литературе наиболее полное и достоверное выражение находят в произведениях самого писателя. И потому не случайно разговор начался с новой работы — повести «Мы не увидимся с тобой...», публикуемой в журнале «Знамя».

Это произведение продолжает цикл повестей о военном корреспонденте Лопатине. «Пантелеев», «Левашов», «Иноземцев и Рыбин», «Жена приехала...» появились более двадцати лет назад. Потом их продолжили «Двадцать дней без войны».

— Константин Михайлович, почему вы в своих произведениях постоянно возвращаетесь к образу Лопатина?

— С Василием Николаевичем Лопатиным читатель впервые встретился в романе «Товарищи по оружию».

Когда же я начал писать «Живых и мертвых», то задумал эту книгу как прямое продолжение «Товарищей по оружию». Но мой первоначальный замысел оказался неудачным. В результате в интересах целого пришлось отсечь первые 12 печатных листов, в которых, однако, были вещи, дорогие для меня и как для писателя, и как для очевидца войны. На материале этих страниц я вскоре написал две маленькие повести. Одна из них — «Пантелеев» — и открывает книгу Лопатине...

Что меня так много лет связывает с Лопатиным?

Мне профессионально близка жизнь Лопатина. Я сам прошел войну военным корреспондентом, бывал на разных фронтах, становился свидетелем или участником тех или иных военных событий, встречался со многими людьми. Лопатин, которого я в отличие от строевого командира без нарушения правды жизни могу перебарывать с места на место, позволяет мне рассказывать о войне в самых разных ее точках, а через наблюдения и суждения Лопатина выражать собственные мысли и ощущения того времени.

Однако при этом Лопатин далек от меня по возрасту. И я не случайно сделал его человеком другого поколения. На войне я наблюдал писателей поколения Тихонова, Суркова, Платонова, Славина... Им всем было тогда уже за сорок. Но они сочли своим долгом стать военными корреспондентами. Мой герой — человек примерно их возраста. Мне интересно было писать

о людях, прикоснувшихся к юности и к первой мировой, и к революции, и к гражданской... Они размышляли над многим шире и глубже, чем я в то время... И в образ Лопатина я мог без натяжки вложить и те мысли, которые пришли ко мне самому позже.

— Итак, ваша новая повесть снова о войне...

— Да, ее действие происходит летом 1944 года, когда советские войска достигают границ Восточной Пруссии. В центре повести — дружба

зорваны от пояса до колена и поверх прорехи замотаны окровавленным, залепшимся грязным бинтом».

— Моему Чижову едва за двадцать, — говорит Симонов, — но мне хотелось показать и чем жило, чем дышало тогда, в 1944 году, совсем молодое поколение — я пробую объяснить это там, где в повести появляется 17-летняя дочь Лопатина, решившая после окончания курсов медсестер непременно поехать на фронт.

В повести немалое место

постепенно. Умение анализировать и оценивать происходящее с годами, с опытом увеличивалось. Тот же Лопатин, чем с большим количеством людей встречается, тем больше наблюдает, тем увереннее становится в своих мыслях и суждениях. Размышления Лопатина о войне, о настоящем и будущем более решительны летом 1944 года, чем в первых повестях, относящихся по времени к самому началу войны. Такого багажа и у меня к концу войны было гораздо

с, черта своротить! Поэтому на каждом из нас, оставшихся в живых, лежит двойная ответственность:

Упрямство, гнев его, терпенье —

Ты все себе в наследство взял, Двойного слуха ты и зренья Пожизненным

владельцем стал.

Так вот и живем...

— Константин Михайлович, вы пишете о войне. Но изображение военных эпизодов ведь не является самоцелью. Главное — человек. Собственно, многие ваши произведения так и называются: «Товарищи по оружию», «Солдаты не рождаются», «Живые и мертвые»... Какое же качество в людях вы более всего цените?

— Порядочность. Это качество я бы вводил в анкеты. Под порядочностью имею в виду умение держать слово, при всех обстоятельствах выполнять свой долг. Обещал — значит сделать непременно, не обмани.

Не люблю, когда слово расходуется с делом.

— Что вы испытываете, когда произведение закончено?

— Слово гора с плеч свалилась. Тащил на себе нечто безмерно тяжелое — и вдруг этот груз пропал. Работая над книгой, все время, годами живешь в напряжении, постоянно держишь в памяти тысячи вещей, о которых нельзя забывать. И когда наконец работа завершена, возникает радостное ощущение свободы. Радостна даже сама вдруг возникшая возможность подумать над чем-то совсем другим.

Люди, знающие Симонова, работавшие с ним, — и товарищи по оружию, и коллеги по литературному цеху — не перестают удивляться, похорошему завидовать его трудолюбию, собранности, организованности, оперативности, верности данному слову.

Симонов успевает невзрачного много. Среди разных его общественных обязанностей хочется выделить две. Он сопредседатель совета по публицистике и очерку при СП СССР, и это, конечно, не случайно. Потому что ни одно сколько-нибудь значительное событие не проходит мимо его внимания. Он председатель совета по грузинской литературе при СП СССР. С грузинскими

писателями Симонова связывает давняя и прочная дружба.

Каждый его день расписан буквально по минутам. Я спросила:

— Константин Михайлович, как вы все успеваете?

Писатель ответил:

— Всего, конечно же, не успеваю, но не люблю и не умею сидеть без дела.

— Как вы работаете?

— Сначала делаю многочисленные, но обычно короткие заметки. Потом составляю что-то вроде конспекта. Затем сочиняю небольшие кусочки текста, записываю отдельные реплики, фразы. Все это диктую на диктофон. Потом что-то добавляю в эти заметки, вписываю, поправляю... Появляются целые куски, диалоги, сцены. Это — первый черновик, который я также записываю на диктофон. Некоторые считают, что работа с диктофоном экономит время. Это не так. Диктофон, на мой взгляд, всего-навсего дает возможность не упустить что-то, вдруг всплывшее в памяти. Неправда, что важное не забывается. Иногда забываешь начисто и потом долго мучаешься и сожалешь, что вот вовремя не записал, а запятованное где-то живет, существует, не дает покоя...

Кроме того, диктофон, мне во всяком случае, помогает контролировать достоверность речи: когда прослушаешь запись, то заодно и проверишь — может сказать так человек или не может.

Такая манера работы над прозой возникла, в общем-то, случайно. В годы войны, когда мне дали короткий отпуск, я уехал в Алма-Ату писать повесть «Дни и ночи». Времени было в обрез. И я рискнул диктовать повесть прямо стенографистке...

— Сегодня у вас на столе верстка новой повести. А что вы собираетесь делать завтра?

— А может, отложим ответ на этот вопрос до послезавтра? Куда надежнее говорить об уже сделанном, чем о еще не сделанном...

Беседу вел
Р. САФАРОВА

Константин СИМОНОВ

ТРИДЦАТЬ ТРИ ГОДА БЕЗ ВОЙНЫ

двух людей: писателя Лопатина и журналиста Гурского, которых свела вместе общая работа в военной газете.

В названии повести легла строка из моего давнего стихотворения:

Мы не увидимся с тобой,
А женщина еще не знала;
Бродя по городу со мной,
Тебя живого вспоминала...

На страницах повести нашли отражение и мои впечатления от встреч с солдатами, кавалерами трех орденов Славы. Эти встречи легли в свое время в основу цикла документальных телевизионных фильмов «Солдатские мемуары», поставленных режиссером Мариной Бабак. А сейчас две главы о танкистах появились в повести.

Симонов берет журнальную верстку, листает ее. На полях сильным, размашистым «симоновским» почерком сделана правка: что-то зачеркнуто, вписаны слова, предложения, целые абзацы...

— Все забываю вымышленную фамилию своего героя—танкиста. Потому что перед глазами стоит реальный человек, послуживший прототипом. Вот — нашел. В повести его фамилия Чижов.

Заглядываю в верстку — на ту ее страницу, где предстает перед читателем этот танкист:

«Чижов был маленького роста, с крупными веснушками, несмотря на копоть, видными на маленьком детском лице. Брови высоко поднятые, удивленные, а глаза задумчивые, недетские... При малом росте и худобе грудь и плечи у него были широкие. Он был в шлеме, но без комбинезона, гимнастерка, как у многих танкистов, была заправлена внутрь, в брюки, чтобы, если выскочишь из танка, не зацепиться. На левой ноге ботинки были ра-

отведено личной жизни людей. Пишу о любви, и о взаимном притяжении, и о постепенном отдалении, и об окончательном, прежде всего нравственном, отторжении. Хотя, впрочем, как рассуждает у меня Лопатин, разве есть у человека какая-то другая жизнь, кроме личной? Ведь вся жизнь человека постоянно связана с его личностью — личными взглядами, личными решениями, личными поступками... И если человек из малодушия не разделит себя на две мнимые половины, то никакой другой, кроме личной, жизни у него нет.

— Собираетесь ли вы еще возвращаться к образу Лопатина?

— Пока не думаю. По крайней мере в этой повести все, что мне хотелось сказать о нем, я сказал. А дальше посмотрим...

— История с Лопатиным показывает, что вы широко используете в своих произведениях автобиографический материал...

— И да, и нет. Далеко не все в моих книгах — моя жизнь. Конечно же, я не пережил на войне и десятой доли того, что переживают мои герои все вместе и каждый порознь.

Наверное, как и всякий участник войны, я в разное время думал над многими событиями тех лет, пытался понять причины, их породившие. Подумать было над чем. На фронте нам пришлось много работать. Ехали — писали, и снова в путь — за материалом для газеты. Наблюдения, размышления, выводы накапливались

больше, чем в ее начале. Через Лопатина я сам пытаюсь осмыслить войну.

— Как вы относитесь к тому, что о войне пишут иногда люди, сами в ней не участвовавшие?

— Я плохо отношусь только к тем литераторам, кто по возрасту и здоровью и вполне мог, и должен был бы пройти фронтовыми дорогами, но не прошел и тем не менее позволяет себе задним числом бойко описывать боевые эпизоды. А к людям молодым, которые не участвовали в войне, но хотят писать о ней, стремятся постичь ее правду, добросовестно изучая в архивах материалы, встречаясь с ветеранами Великой Отечественной, отношусь, конечно, с уважением. Вспоминаю, как было мне интересно работать с молодым режиссером А. Германом над фильмом «Двадцать дней без войны». Он сумел «увидеть» войну в этой картине по-своему и, на мой взгляд, правдиво.

Думаю, что о минувшей войне будут писать и через столетия...

— В повести «Мы не увидимся с тобой...» генерал Ефимов, обращаясь к Лопатину, только что вернувшемуся из опасного рейда с танкитами в немецкий тыл, говорит:

«С тех, кого уже нет, — нет и спросу. А вам желательно остаться в живых и успеть подумать о войне не только за себя, но и за них».

Как вы для себя принимаете эти слова?

— Как прямую обязанность. Ведь в каждой сфере, в том числе и среди литераторов, погибло много людей, которые, останься они живы, могли бы, что называет-